

Бельские просторы

Учредитель
Правительство
Республики
Башкортостан

Соучредитель
Союз писателей
Республики
Башкортостан

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с декабря 1998

В номере

№ 1 (122) Январь, 2009г.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Юрий Горюхин. ПОКОЯ НЕ БУДЕТ 3

ПРОЗА

Сергей Литвинов. ПИСЬМА К ПЛЕМЯННИЦЕ 10

Казбек Исмагилов. МЕМУАРЫ БЕЗ МАКИЯЖА 38

Сергей Матюшин. ПРОТОТИП. *Рассказ* 59

Уильям Фолкнер. ПРИЛОЖЕНИЕ К РОМАНУ «ШУМ И ЯРОСТЬ».

Перевод с английского Диляры Гариповой. 84

ПОЭЗИЯ

Анатолий Яковлев. ОТТУДА, ГДЕ КРАСНЫЙ ЛЕД... 4

Вячеслав Сиваков. ПО ДЕЛАМ И ВЕРЕ... 32

Гильман Ишкинин. ОТВЕТ ПТИЦЫ 56

Галарина. ОТНОСИТЕЛЬНО ИЗВЕСТНАЯ БЕЗДНА. 77

Михаил Богуславский. МЕНЯЕТСЯ ЖИЗНЬ 96

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ренат Беккин. НЕПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ ПЕТРА ПОЛЕЖАЕВА. 102

Лев Усыскин. ПОЗДНИЙ БАБЕЛЬ. ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ. 110

КУЛЬТУРА

Александр Гарбуз. «САРЫ БИЯ»: НОСТАЛЬГИЯ ПО ЦЕЛЬНОСТИ 124

ПОЛЕМИКА

Андрей Рудалев. ЗАЧЕМ НАМ НУЖНЫ ЭТИ ПАРТИИ? БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД ДИЛЕТАНТА. 131

Владимир Савичев. КОМУ МЫ НУЖНЫ 135

ПУБЛИЦИСТИКА

Аркадий Злочевский. НАМ ОСТАЛОСЬ ПЯТЬ ЛЕТ ВОЙНЫ. 139

Вячеслав Кузнецов. ВКУС К ЖИЗНИ 146

Татьяна Семенюк. ЕВДОШКИН ДЕНЬ 150

Зыфар Хакимов. ВОСПИТАНИЕ – ЭТО ОБОЮДНЫЙ ПРОЦЕСС. 154

КРУГ ЧТЕНИЯ

Кирилл Анкудинов. ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ 156

ДЕТЕКТИВ. ФАНТАСТИКА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Николай Андреев. Я – ЯСОН 160

ЮМОР

Виктор Уразбаев. ИСТОРИИ ПРО МУСЬКУ 185

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Мустай Карим. ПЕТУШИНАЯ МЕЛЬНИЦА. *Маленькая сказочная повесть* 188

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

БЕЛЫЙ ФОНТАН. *Итоги конкурса поэтического перевода* 200

ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА. ИМЕНА. 207

Уфа.

Редакция журнала «Бельские просторы»

2009

Главный редактор

Горюхин Ю. А.

Редакционная коллегия:

Баимов Р. Н., Бикбаев Р. Т., Игнатенко С. В., Карпухин И. Е., Лукманов Р. Р., Паль Р. В., Сулейманов А. М., Фенин А. Л., Филиппов А. П., Фролов И. А., Хрулев В. И., Чарковский В. В., Чураева С. Р., Шафиков Г. Г.

Редакция

Приемная

Иванова Н. Н. (347) 277-79-76 (факс)

Главный бухгалтер

Давлетшина М. А. (347) 277-79-76

Заместители главного редактора

Чарковский В. В. (347) 223-64-01

Чураева С. Р. (347) 292-77-61

Ответственный секретарь

Фролов И. А. (347) 223-91-69

Отдел поэзии

Грахов Н. Л. (347) 223-91-69

Отдел прозы

Фаттахутдинова М. С. (347) 223-91-69

Отдел публицистики

Чечуха А. Л. (347) 223-64-01

Семенюк Т. В. (347) 292-77-61

Технический редактор

Калимова Р. С. (347) 223-91-69

Корректоры

Казимова Т. А.

Симонов А. А.

Выпускающий редактор

Чураева С. Р.

Подписной индекс 50751.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 792, выданное

Министерством печати и массовой информации РБ 26 декабря 1998 года.

Подписано в печать 31.12.08 г.

Формат бумаги 70x100/16. Бумага офсетная.

Гарнитуры «FreeSet», «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.

Уч.-изд. л. 19,59. Тираж 2600 экз.

Заказ № 2.0003.09 Цена договорная.

Адрес редакции:

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

E-mail: bp2002@inbox.ru

http://www.hrono.ru/proekty/belsk/

Отпечатано с готовых файлов на ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат».

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

Телефон (347) 223-97-00

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются, принимаются

только в напечатанном виде.

Электронная версия ускорит обработку рукописи.

Мнение редакции не всегда

совпадает с точкой зрения

того или иного автора.

При перепечатывании материалов

ссылка на «Бельские просторы» обязательна.

Непридуманная история Петра Полежаева

Опыт литературного расследования

*Почту себя счастливым, если
Вы... уделите мне несколько
страниц...*

*(Из письма П.В. Полежаева
к М.П. Погодину)*

Лет семь-восемь назад были у нас чрезвычайно любимы читателем исторические романы и повести. Десятки издательств выпускали их значительными для того неустойчивого времени тиражами: «Петербургское действо», «Басурманин», «Клятва при гробе Господнем», «Юрий Мирославский или русские в 1612 году»... Всех не упомянешь, не говоря уже об их авторах. Между тем еще недавно их имена были на слуху, о них говорили. Но прошло немного времени, и отечественные книголюбы об этих халифах на час, всплывших подобно ложнесским чудовищам из глубин прошлого, благополучно забыли, переключив память на фамилии новых, ранее неизвестных (или, наоборот, давно забытых) авторов.

Для читателя беллетристика (историческая и любая другая) — это, как правило, развлечение, может быть, увлечение, но не настолько важное, чтобы всерьез интересоваться биографией самих беллетристов. Фамилия автора в данном случае служит для него лишь опознавательным знаком, паролем, называя который он имеет возможность получить нужную книжку в библиотеке или приобрести ее в магазине. Читателю, если он — малый не педант и не специалист, по большому счету, неважно и неинтересно, кто написал «Ледяной дом»: Лажечников или граф Салиас, Загоскин или Пикуль. Встретив подобный вопрос в каком-нибудь модном игровом шоу, он будет мучительно вспоминать правильный ответ, но так ничего и не придумав, позвонит другу-филологу: «Яша, у нас тридцать секунд. Кто автор «Пером и шпагой»:

а) Дюма, б) Загоскин, с) Пикуль, d) Юрий Мирославский? Быстрее, Яша!».

Просвещенный любитель чтения скорее припомнит, что упоминавшегося «Юрия Мирославского» приписывал себе гоголевский Хлестаков, чем то, что его написал Загоскин, которого жестоко громил в прессе Амплий Николаевич Очкин, которым, в свою очередь, восторгался сам Николай Языков, о котором Пушкин сказал... И так далее. Что же говорить о других, менее удачливых писателях-беллетристах, которым не светит даже такой «кривой» выход на классиков. Вот и приходится им бороться за свое место под солнцем всеми доступными средствами (причем не всегда художественными). А претендентов на это место не так мало.

С развитием сетевой литературы количество авторов-беллетристов многократно увеличилось. В «сетку» читателя попадают беллетристические произведения всех мастей на любой вкус, зачастую анонимные, второпях набитые на домашнем компьютере с грамматическими и другими ошибками. Тут уже не до выяснения имен авторов. В такой ситуации на плаву (вернее, на слуху) останутся имена двух-трех счастливцев, которые будут приводиться в учебниках в качестве классиков жанра. Все остальные захлебнутся в мутных потоках не прочитанного и не переваренного читателем легковесного изобилия под названием «беллетр».

Как тут не вспомнить бесконечно правых творцов слова, утверждавших, что писатель только тогда интересен читателю (важнейшее, но не единственное условие!), когда он пишет не только, как он слышит, но пишет про то, что видел, или про себя в увиденном. Заставить рядового читателя интересоваться собой — гораздо сложнее, чем просто быть хорошим, даже очень хорошим писателем. Можно, конечно, завоевать интерес читательской публи-

ки иным образом. Например, если ты не только и не столько писатель (Черчилль с его Нобелевской премией по литературе). Но это уже путь из варяг в греки, большинству писателей недоступный.

Во всех остальных случаях интерес к личности автора носит случайный или профессиональный характер, притом что в профессиональном всегда найдется место случайному. В этом я убедился на собственной шкуре, когда нелепая случайность заставила меня заниматься изучением биографии человека, не представлявшего для меня изначально никакого интереса.

Шел 1993 год. Я работал тогда над составлением книги «Непотребный сын» о судьбе первенца Петра I — царевича Алексея. Книга должна была выйти в замечательной ленинградской серии «Исторические факты и литературные версии». Каждый сборник в данной серии, посвященный какому-нибудь известному историческому событию или персонажу, должен был включать художественное произведение по обозначенной теме, документы, а также выдержки из работ историков. Литературной составляющей моей книги был роман некоего Петра Васильевича Полежаева «Царевич Алексей Петрович» в двух частях.

Когда книга уже была почти готова, мой редактор Светлана Алексеевна Прохватилова попросила меня срочно найти что-нибудь о Петре Полежаеве и написать небольшое вступление о нем.

Заглянув в каталог Публички, я нашел там с десяток названий изданных в разное время произведений Полежаева. Даты жизни писателя в каталоге не было. Это меня несколько насторожило, но я продолжил поиски.

Перелопатив все имеющиеся книги Полежаева, я обнаружил, что ни в одной из них нет ни слова об их авторе. Скучные аннотации в трех-четыре переизданных в наше время романах гласили, что Полежаев — превосходный писатель-романист, которым восхищались современники и который был незаслуженно забыт впоследствии. И вот он вновь (теперь, получается, заслуженно?!) возвращается к народу.

Но, несмотря на первую неудачу, я продолжал думать только о хорошем. У меня была отличная записка — мемуары

Полежаева с ностальгическим старушечьим названием «Давно минувшее». Стрелетом открыл я эту небольшую книжку, с вниманием прочел ее целых два раза (благое количество позволял) и с грустью вернул нерасторопным библиотекарям. Почти половину тонюсенькой книжонки составляло описание университетских преподавателей Полежаева, среди которых выгодно выделяется попавший впоследствии в Энциклопедию Брокгауза Н.А. Иванов, мимоходом рассказывается о некоторых выглядящих более чем пресно в глазах студента начала XXI века студенческих традициях. Вскользь упоминается и об однокурсниках, в частности о братьях Толстых, Льве и Дмитрие, учившихся вместе с будущим романистом в Казанском университете во второй половине 40-х годов. Вот она, казалось, зацепочка, — стоит только протянуть руку к именному указателю ПСС Льва Николаевича. Упоминание Толстого о Полежаеве — да это же сокровище!..

Разочарование пришло еще быстрее, чем радость. Насчет Полежаева Толстой категорически молчал. Вряд ли он вообще интересовался своим менее удачливым коллегой по перу — ведь во время учебы в университете они не только не общались, но даже не были знакомы. Вот что пишет по этому поводу Полежаев в своих воспоминаниях: «В числе студентов, слушавших лекции профессора Иванова были двое графов Толстых — один из них, Лев Николаевич, впоследствии автор высокохудожественного произведения «Война и мир», имени же другого брата не помню. Я был соседом Льва Николаевича на исторических лекциях, но сойтись с ним у меня и помышления не могло быть. Аристократические графчики никак не подходили к моим демократическим тенденциям того времени» (Петр Полежаев. Давно минувшее. — Санкт-Петербург, 1894. — С. 15).

Что тут скажешь... Жаль, конечно. Если бы Петр Васильевич все-таки сошелся со Львом Николаевичем, возможно, это повлияло бы не только на содержание его мемуаров. Но какие-то демократические тенденции помешали ему это сделать. Любопытно узнать, в чем же заключались эти самые тенденции?..

Одной из моих последних находок, имевших отношение к Полежаеву, был

№ 12 журнала «Век» за 1882 г., где были опубликованы три стихотворения Петра Васильевича. В двух из них Полежаев говорит о порочности и циничности окружающего мира, где нищета и разврат лицемерно осуждаются теми, кто породил их своим безразличием:

*Не могу оторвать от развратной земли
Невеселого жадного взгляда,
Где мы немощь и плоть обрели,
Как от старого точно наряда,
От земли, где царят одни деньги во всем,
Где в труде надрываются груди,
Где одни мы привольно, спокойно живем —
Мы, солидные, важные люди!*

Для начала необходимо было выяснить, когда были написаны эти неумелые строки. В одном из трех стихотворений под названием «Ноктурно» речь идет о Петербурге. В столице, по моим данным, Полежаев впервые появился примерно в 1874-75 гг., то есть когда ему было 47-48 лет:

*Петербургский, туманный,
дождливенький день
Сероватая ночь заменила...
Над столицей спустилась легкая тень,
Но луна скоро мрак осветила;
Под сиянием ея золотистых лучей,
Среди сна отдыхавшей природы,
Засветились главы дворцов и церквей
И заискрились невкие воды.*

Кроме того, автор в предыдущем стихотворении пишет: «мы, солидные, важные люди», очевидно имея в виду и себя тоже. Таким образом, представляется вероятным, что опубликованные в «Веке» стихи не являются плодом юношеских забав, а написаны Полежаевым, когда ему было около пятидесяти. Но тогда зачем совершенно неуместная самоирония по поводу демократических тенденций юности в «Давно минувшем»?

Опять загадки! Я готов был простить Полежаеву неуклюжесть его стихов, лишь бы те добавили что-нибудь существенное к имевшейся у меня информации об их авторе. Но, повертев так и сяк опусы Полежаева, я понял, что больше ничего хорошего от них ждать не следует. Их автор словно издевался надо мной своими ужасными стихами:

*Ты хочешь жизнь мою узнать?
Вот юности моей тетрадь...*

Хотел бы я узнать, где эта самая тетрадь! Надеюсь, это не воспоминания о «давно минувшем»?!

Оставшуюся часть мемуаров (около половины) занимает рассказ «Вас. Вас. Стручина, студенческого друга» Полежаева, о его юношеской страсти к одной молодой особе. Описание дано настолько точно, доходчиво и вместе с тем лирично, что возникает мучительное подозрение: мемуарист пишет о самом себе. Эту мысль подтверждает и то, что в списках студентов Казанского университета фамилии Стручина нет. К тому же зачем 66-летнему «солидному, важному» человеку уделять половину своих мемуаров описанию (признаться, скучному и банальному) чужого любовного романа? За неимением собственного опыта несчастной любви? Или, в самом деле, не лукавил Полежаев, говоря о музе в другом своем стихотворении:

*Петь о любви она мне не могла,
Но искру сострадания зажгла...*

Сострадания к чужой несчастной любви? Похоже, Петр Васильевич был если не демократом, то, по крайней мере, очень добрым человеком, что не позволяло ему равнодушно смотреть на чужие несчастья. Прогуливаясь (в своих стихах) по ночному Петербургу, он жалеет пойманного вора, оправдывая его тем, что ему нечего есть, сочувствует пьяной проститутке, возвращающейся после удачного заработка. Так почему же его доброта могла обойти несчастье друга?

Все бы так, но уж очень смущало меня описание именина Стручиных, куда курсник Полежаева приехал на студенческие каникулы. Отец Полежаева Василий Петрович был из подьяческих детей, и фамилия Полежаевых стала дворянской только в 1840-м году (если верить «Родословной Книге дворян Пензенской губернии»). В рассказе же Стручина описывается пусть и не очень богатая, но все же традиционная дворянская семья. Барский сынок вернулся в свое родовое гнездо, и никаких отдаленных признаков, позволяющих узнать в родственниках Стручина семейство Полежаевых, нет.

Можно лишь предположить, что Полежаев, этот великий конспиратор собственной биографии, нарочно дал описание дворянской усадьбы, чтобы уж точно никто не догадался, кто же, в конце концов, влюбился: он или полуапокрифический Стручин. Маскироваться-то Петр Васильевич, может, и любил, но не настолько, чтобы свою разночинную юношескую гордость променять на слащавую дворянскую экзотику. «Благородные графчики» были ему чужды, и у него не было никаких оснований превращать свою семью в «барскую». Однако, повторяю, это только догадка. Возможно, будущие полежаеведы опровергнут меня...

Если же Полежаев просто-напросто по этическим соображениям изменил имя и фамилию друга, у нас ничего другого не остается, как посочувствовать и другу, и Петру Васильевичу, вернее, его биографии.

Либерализм Полежаева проявился и в выборе героев написанных им романов, которые, кстати, почти все являются известными историческими персонажами. Главные действующие лица полежаевских романов, как правило, оппозиционеры, находящиеся на самой вершине власти (царевич Алексей Петрович, Артемий Волынский). В те времена, о которых идет речь, другой оппозиции просто быть не могло: либо мужицкий бунт, либо вельможный заговор.

По замыслу Полежаева для интриги в романе совсем не требуется создавать трех мушкетеров, — достаточно царей, престолонаследников, фаворитов, известных придворных, чьи реальные приключения не менее интересны, чем вымышленные. То же самое касается темы любви: любовная драма Алексея и Ефросиньи «держит» читателя в течение всего романа «Царевич Алексей Петрович».

Но сосредоточение сюжетной канвы вокруг царского двора совсем не исключает наличие простолюдинов в романе. Полежаев использует доступный прием: разговоры крестьян, простых горожан, чьими устами нередко излагается отношение самого романиста к описываемым событиям. И в этом Полежаев-романист более этичен, чем многие его коллеги, которых покойный Михаил Чулаки справедливо обвинял в смертном литературном грехе

за то, что те вкладывают «собственные мысли в голову героя и героя невымышленного!».

Что и говорить, у исторического романиста часто возникает большой соблазн втиснуть кусочек своего нераскрывшегося «я» под полы одежды какого-нибудь великого персонажа, — например, под полы шинели убегающего от террориста Александра II из повести Игоря Волгина «Последний год Достоевского».

Читая романы Полежаева, с любопытством наблюдаешь борьбу художника и ученого. Первый робко пытается для «красного словца» придать роману изюминку и готов ради этого даже пойти на «невинную ложь ради общей, то бишь читательской пользы», а второй удерживает его «ради правды, которая превыше всего». Иногда в подтверждение своих доводов Полежаев-ученый ссылается в своих романах на документальные материалы, — явление достаточно редкое и примечательное для историка-беллетриста любого разлива.

Итогом малоприметной борьбы художника и ученого мужа становится компромисс: мысли автора излагают люди из народа, автор только слегка подкрашивает интригу романа, но не с помощью антиисторических фантазий, а за счет придания романтизма и яркости поступкам героев. Полежаев не рисует новую историческую картину, он только придает постаревшему от времени гениальному полотну, сотканному самой жизнью, яркие краски, чтобы читатель по неопытности не проходил мимо поблекшего шедевра, а остановился хотя бы на миг замороженный. Полежаев не сочиняет, а описывает непридуманную историю, которая для него интересней любого вымысла. После прочтения «Давно минувшего» сложно ожидать от него чего-либо другого: в своих воспоминаниях он не пишет о себе практически ни слова! Качество драгоценное для человека, но предательское по отношению к его биографу, которому, между тем, ничего не оставалось делать, как продолжать свои непредсказуемые поиски. Отступить не хотелось: во-первых, было жаль уже потраченного времени, во-вторых, интерес к работе возрастал с очередной неудачей.

Я обратился к книжке А. И. Михайловского «К столетней годовщине Казан-

ского университета» 1901-го года издания. В перечне студентов, учившихся в университете в 40-х годах прошлого века, я без труда нашел фамилию Петра Васильевича Полежаева. Несколько строчек, посвященных ему, гласили, что мой герой был действительным студентом юридического факультета Казанского университета в период с 22 августа 1844 по 2 июня 1848 года. И это, увы, все.

Что было до? Что было после? Пойди поищи: где и когда Полежаев родился, где и когда умер?

Впрочем, насчет смерти у меня одна догадочка была. Поскольку все книги Петра Васильевича в 1870–90-х гг. выходили в Петербурге, я не исключал, что Полежаев жил и даже умер именно в столице империи.

Поиск в «Адрес-календаре»¹ обнадежил хорошей находкой: Полежаев действительно жил в Петербурге начиная с 1874 или 1875 года². Первое же упоминание о писателе относится к 1861–62 гг., когда он предстает членом совета Уфимского попечительного о бедных комитета, занимая по службе место стряпчего казенных дел в Оренбургском губернском правлении. Далее, едва ли не в каждом томе, Полежаев продвигается по служебной лестнице. Так, если в 1863 г. он является товарищем председателя палаты гражданского суда Оренбургской губернии, то уже в 1866 г. становится председателем палаты уголовного, а с 1867 г. и гражданского суда Уфимской губернии. Вместе с должностями растут чины. В 1857 г. Полежаев всего лишь титулярный советник. А в 1871 г. он уже — действительный статский советник. Классический образец выслужившегося чиновника.

В «Адрес-календаре» на 1875 г. Полежаев значится как сверхкомплектный чиновник, состоящий за обер-прокурорским столом в 4-м департаменте Сената. Эту должность он, по-видимому (что потом и подтвердилось), оставил в 1882 г., поскольку на 1883 г. сведений о работе Полежаева в Сенате нет. Примечательно, что отставка пожилого либерала Полежаева совпадает с окончанием царствования царя-реформатора Александра II. В 1896 г. имя писателя исчезает из «Адрес-календаря».

Так все-таки когда же он умер? По-видимому, где-то в районе 1896-го года...

Поиски в адресных книгах Петербурга, Уфы, Казани, Оренбурга и Пензы не дали никаких результатов. Следующим этапом был неизбежный поход в РГИА.

Новая информация, правда, немного иного рода не могла не порадовать сердце, — мне стало известно, что Петр Васильевич женился в 1857 г. на дочери статского советника С. Н. Сушковой³. К сожалению, это была всего лишь однофамилица знаменитой дермонтовской черноокой красавицы Екатерины Сушковой. От брака с Софьей Николаевной у Полежаева было пять детей: два сына и три дочери.

Попутно я заглянул в «Список гражданским чинам IV класса (исправленный по 10.06.1882 г.)», где обнаружил любопытные сведения. Оказывается, у четы Полежаевых была в Уфимском уезде 321 десятина земли (31 десятина приобретена мужем и 290 десятин — собственность жены, Софьи Николаевны). Ай да Петр Васильевич!

Тогда же на глаза мне вовремя попался «Исторический очерк Пензенской 1-ой гимназии с 1804 по 1871 гг.» некоего П. П. Зеленецкого, откуда я узнал о том, когда Полежаев родился. Но этого было мало. В «Списках дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии к 1902 г.» я нашел окончательное подтверждение того, что Петр Васильевич родился именно в Пензенской губернии.

«Пензенская» находка вдохновила меня, поскольку детство Полежаева до сих пор оставалось для меня самым темным моментом в биографии писателя. И если дату рождения Петра Васильевича я приблизительно вычислил — отнял от сорок восьмого года семнадцать лет (вероятный возраст поступления моего героя в университет) и получил двадцать седьмой год, то насчет места рождения у меня были сильные сомнения. Где только не наткнулся я на следы писателя: в Казани, Уфе, Оренбурге и, наконец, Петербурге.

Прошло два года. Я переехал в Москву. Не знаю, хорошо это было для меня, но для Полежаева — просто чудесно. Дело в том, что о моих сизифовых изысканиях стало известно в биографическом словаре «Русские писатели. 1801—1917». Я никогда до этого не имел дел с подобными изданиями, поэтому с радостью ответил на приглашение редакции словаря написать статью о моем герое.

Удивительное и превосходнейшее явление эти «Русские писатели». Авторский кюстик «Русских писателей» — сотрудники Пушкинского дома, возрадившие идею этого издания еще в 70-х годах прошлого века. Словарь единогласно признается в качестве последней инстанции, куда можно обратиться, если есть сомнения или просто не хватает информации о том или ином писателе. В «Русских писателях» можно узнать уточненную дату рождения нужного литератора, выяснить дату выхода в свет его произведений, разобраться в круге его знакомств и литературных связей, познакомиться с именами малоизвестных современному читателю авторов, оставивших след не только в литературе, но и в истории.

Тираж словаря всего пять тысяч. Пять тысяч для издания, которое по сути своей является эпохой и прижизненным памятником отечественному литературоведению! Но и эти пять тысяч издаются с мучительным скрипом. Первый том словаря вышел в издательстве «Советская энциклопедия» еще в революционном 1989 г., следующий — в 1992 г., третий и четвертый тома — в 1994 и 1999 гг. соответственно. Пятый том все никак не может быть издан из-за финансовых проблем.

Единственное, что не позволяет верить в гражданскую смерть словаря, — его сотрудники. Это и авторы, и редакторы с их непокорным оптимизмом и верой в то, что они делают ненеправильную работу. Бесспорно, чудный человек — Сергей Михайлович Александров. Именно благодаря его давлению я, легкомысленно посчитавший, что больше уж нигде ничего не найдешь, продолжил поиски — теперь уже в Москве. Моя книга о царевиче Алексее уже давно вышла, так и не дождавись статьи о Полежаеве, но меня это уже мало смущало: мне было интересно то, что я делаю.

В РГАЛИ ничего не было. Хороший архив, приятные люди, но, увы... Зато работа в Ленинке приятно удивила. То, что я там обнаружил, было чудом: автограф самого Полежаева! Передо мной лежало письмо двадцатитрехлетнего Петра Васильевича к самому Михаилу Петровичу Погодину. Поистине ради этого стоило оказаться в Москве! Не могу не привести здесь целиком это небольшое послание начинающего историка прославленному мэтру:

«Милостивый Государь, Михаил Петрович!

Занимаясь *в свободное от служебных занятий время* (курсив мой. — Р.Б.) изучением финансовой стороны древней Русской истории по нашим источникам, я составил по этому предмету несколько замечаний, из которых посылаю к Вам с этой же почтой небольшой отрывок. Почту себя счастливым, если Вы найдете эти замечания справедливыми и уделите мне несколько страниц издаваемого Вами журнала. Уважая в полной мере Ваши заслуги по критической разработке наших исторических письменных памятников, я надеюсь, что Вы не оставите без внимания и мою посильную первую лепту. Вместе с этим, имею честь Вас уведомить, что мною собрано несколько довольно драгоценных материалов, относящихся до истории нашего края и несколько описаний курганов, городищ. Все это по мере приведения в порядок, я сочту за особенное удовольствие препроводить к Вам.

С истинным к Вам почтением и преданностью, имею честь быть Вашим, Милостивый Государь, Покорный слуга

Пет. Вас. Полежаев

5 сент. 1851 г. гор. Пенза».

В журнале «Московитянин», издаваемом в то время Погодиным, материалы Полежаева опубликованы не были. Возможно, Михаил Петрович не ответил начинающему любителю истории. По крайней мере, в бумагах Погодина, хранящихся в Ленинке, упоминание фамилии Полежаева не встречается. Хотя бы какой-нибудь обрывок черновика письма!..

Неизвестно, то ли невнимание Погодина, то ли что-то другое повлияло на молодого Полежаева, но профессиональным историком он не стал. В 1861 г. была опубликована его первая книга «О праве собственности по русским законам»⁴. Судя по названию, содержание данной книги и есть то, что имел в виду Полежаев в своем письме к Погодину. А вот краеведческие материалы, относящиеся к истории Пензенского края, о которых также вспоминал Петр Васильевич, по имеющейся у меня информации, так и не были им нигде использованы, хотя возможность, бесспорно, была: в 1878—80 гг. Полежаев редактировал довольно любопытный с точки зрения любителя истории журнал «Историческая

библиотека». Вместо пензенских находок Петр Васильевич опубликовал здесь два своих произведения: «Московское княжество в первой половине XIV в.» (1878, № 1—3), работу, которую, как и «Право собственности по русским законам», можно отнести к предмету истории государства и права, и свой первый исторический роман «Престол и монастырь» (1878, № 12; 1879, № 1, 2, 8).

Под романом стоит подпись: Ш-б-ский. В словаре псевдонимов Масанова такой псевдоним не значится. Полистав далее «Историческую библиотеку», я обнаружил любопытную штуку. Полежаев полемизировал с неким рецензентом из журнала «Древняя и новая Россия», который придирался к Петру Васильевичу, прежде всего как к редактору. Мол, пагинация у «Исторической библиотеки» не та, да и произведения какие-то странные. Взять хотя бы «Престол и монастырь» Ш-б-ского, — не роман, а сплошное «блинопечение». Слава Богу, брюзга-критик не дожил до наших «блинопеченых» времен!

Полемика продолжалась недолго — до декабря 1879 г. Затем все как-то тихо прекратилось. Полежаев не особо огрызался по поводу «Престола», тем более что через год роман вышел отдельным изданием с указанием подлинного имени его автора. Полное его название звучало так: «Престол и монастырь. Исторический роман в 2-х частях из русских летописей 1682—1689 гг.». Всего же до революции это сочинение издавалось четыре раза!

Не меньший успех среди читателей ждали и другие романы Полежаева: «Бирон и Волынский» (или «150 лет назад») — о борьбе русской и немецкой партии в царствование Анны Иоанновны, «Лопухинское дело»⁵ — о придворном заговоре во главе с лейб-медиком И.Г.Лестоком против вице-канцлера Бестужева, «Фавор и опала» — о дворцовой неразберихе после смерти Петра I и падения Меншикова. Продолжая хранить верность своей любимой теме — истории России XVIII столетия, Полежаев написал интереснейший роман «Тузы и двойки. Листки из столичной хроники 1780 г.», где речь идет о приезде в Петербург известного авантюриста Джузеппе Бальзамо, графа Калиостро. Но все же самое знаменитое творение Поле-

жаева — это его роман «Царевич Алексей Петрович», впервые изданный в 1885 г. Далее роман выходил еще три раза. Один раз целиком (в 1902 г.) и два раза отдельно, по частям: «До побега» (1885) и «Побег и смерть» (1885).

Многие романы Полежаева были переизданы уже в наше время в середине 90-х. Однако вскоре историческая беллетристика перестала волновать дух неприязнительных читателей, — ее место заняли «блинопеченые» детективы и женские романы. Прекратили переиздавать и Полежаева, который, не успев появиться на поверхности литературной жизни, вновь захлебнулся в мутной проруби забвения...

Но номенклатура слепого и беспощадного книжного рынка уже не могла повлиять на мое отношение и интерес к Полежаеву. Когда статья для энциклопедии была готова и ее образцы давно разошлись по государственным архивам Уфы, Казани, Пензы и Оренбурга, я зашел в питерскую Публичку — почитать «Уфимские губернские ведомости» за середину 90-х годов позапрошлого века. После получения новых данных у меня было сильное подозрение, что Полежаев умер именно в Уфе, а не в Петербурге, и я надеялся отыскать его некролог. Как-никак, а в Уфе Петр Васильевич был человеком уважаемым, особенно с тех пор, как стал председателем Уфимского попечительного о бедных комитета (должность отнюдь не свадебногенеральская!). На деньги Петра Васильевича содержался приют для бедных учеников гимназии при комитете, — словом, я надеялся непременно найти некролог Полежаева, установив, таким образом, точную дату его смерти.

Пролистав все номера за 1894 год, я ничего не нашел, но инстинкт подсказывал мне искать дальше. 1895... ничего. 1896 год... Наконец-то! Наверное, Сальери так не радовался, читая некролог Моцарта:

«Уфимский попечительный о бедных комитет и П.В. Полежаев (ум. 19 марта 1894г.)

Посвящается достойной памяти незабвенного деятеля комитета».

Далее в небольшой заметке — некрологе говорилось о том, что два года назад (некролог спустя два года после смерти!) скончался выдающийся гражданин Уфы,

активный деятель Уфимского попечительного о бедных комитета Петр Васильевич Полежаев. Автор некролога член комитета Н. А. Гурвич сокрушался, что из-за скромности покойного у редакции и у комитета нет никаких сведений о Петре Васильевиче Полежаеве. Гурвич надеялся со временем получить хоть какую-нибудь информацию о Полежаеве, призывая всех, кто знал скромного писателя и мецената, обращаться в редакцию. Я перелистал до конца все номера за 1896, за 1897 г. и так далее вплоть до революции, — к сожалению, в газете так ничего и не узнали о талантливом беллетристе и просто хорошем человеке.

В одном из номеров уже упоминавшийся Гурвич сообщил, что он вышел на сына Полежаева Владимира и, возможно, скоро сможет, обладая нужными сведениями, написать более обширный материал о Петре Васильевиче. Прошло время. Материал так и не появился в газете.

Но на этом приключения Полежаева, вернее его биографии, по задворкам литературы не завершились. Последний, четвертый, том словаря «Русские писатели» заканчивается статьей о М. П. Погодине, том самом Михаиле Петровиче, которому начинающий любитель истории и краеведения из Пензенской губернии Петр Полежаев отправил свою «посильную

скромную лепту». Погодин не опубликовал материалы Полежаева в издаваемом им журнале. И вот теперь следующий том, где одной из первых статей должна была быть статья о Полежаеве, так и не может появиться на свет Божий. Снова что-то мешает именам Полежаева и Погодина встретиться на страницах одного издания. Что это? Случайное совпадение? Необъяснимая закономерность?

Ты хочешь жизнь мою узнать?.. Видно, не судьба, Петр Васильевич!

¹ Полное название: «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц Российской империи».

² Позднее, после работы в РГИА, я уточнил дату: 1874 г.

³ Последующее уточнение из Пензенского архива: свадьба состоялась в 1852 г.

⁴ Ранее отдельной брошюрой была опубликована статья Полежаева «О губернском надзоре» в «Журнале Министерства Юстиции» (1859, № 5).

⁵ В аннотации к одному из последних переизданий романа в наши дни говорится, что его сюжет был использован при создании фильма «Гардемарины, вперед!».